

АГАТА
Лав

Неправильная
СРАЗКА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

любовь ОН ВСТРЕТИЛ ЕЕ ТАМ, ГДЕ
НЕВОЗМОЖНО...
И *полюбил...*

Агата Лав
Неправильная сказка
Серия «SexLoveCriminal», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68077672*

Аннотация

Судьба Яны сложилась так, что она танцует стриптиз в ночном клубе и не хочет никого пускать в душу. А Андрей красив и богат. Только чертовски заносчив, из-за чего нажил проблемы с серьезными людьми. Они пересекутся в клубе и заметят друг друга. Но возможно ли чистое чувство в столь грязном месте? Золушки крутятся у шеста?

Он встретил ее там, где любовь невозможна... и полюбил.

Ранее книга публиковалась под псевдонимом Саша Слова и названием «Север – это на юг».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	58
Глава 11	67
Глава 12	72
Глава 13	77
Глава 14	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Агата Лав

Неправильная сказка

Глава 1

Яна

– Нет, – я упрямо качаю головой и чуть отворачиваю лицо, потому что угадываю момент, когда может случиться пощечина.

Я научилась узнавать эти моменты заранее, щелчок нерва в наэлектризованном воздухе – отличная подсказка.

– Я не пойду, – говорю охраннику прямо в лицо, который пока не распускает руки. – Я не работаю так.

– Да плевать всем, как ты работаешь! – шипит он в ответ и сжимает рацию до хруста в крепких мозолистых руках. – Сейчас пойдешь в зал и сделаешь всё, что он захочет!

Я не хочу в зал. И я устала отбиваться от грязных просьб, они происходят через смену и подводят меня к тому, что даже из этого клуба придется уходить. Хотя это почти дно. А мне казалось, что чем дешевле клуб и проще публика, тем легче донести «нет» на дополнительные услуги. Я ведь только танцую на сцене и больше ничего, никаких приватов и спецзаказов.

– Иди сам, Стас, – я не выдерживаю и нарываюсь.

Пусть только тронет! Мне уже плевать, расцарапаю лицо до кровавых борозд, он не клиент и не босс.

– Я запихну тебя в зал, – бросает он со злостью и тянется к рации. – У меня приказ, стерва.

В зале сидит гость. Из тех самых – богатых и избалованных – которые не понимают слово «нет». То ли случайно забрел в клоповник, не обратив внимание на исцарапанные столики, то ли захотел острых ощущений. Ему аттракцион, а мне головная боль. Я не знаю, как отбиться, и вижу решительность охраны запихнуть меня в его руки. Им почему-то приспичило.

– Сука истерит, – охранник пытается вклиниться в распоряжения с того конца рации. – Да она поехала совсем! Не слушается!

Стас нервничает и смотрит на меня, пока мы ждем второго переговорщика. Я же кидая взгляд на часы и вижу, что уже должна ехать домой.

– Тебе же зубы пересчитают, – добавляет охранник, не удержавшись.

– Пока все на месте.

Ненавижу, когда меня учат жизни такие, как он.

– Что у вас тут?! – с громким возгласом в подсобку вваливается напарник Стаса. – Яна, ты оглохла, ты должна быть в зале!

– Я не работаю в зале.

– Заткнулась! Просто уведи клиента из зала, тихо и без

скандала. Пообещай, что он хочет, и приведи в третью комнату. И можешь потом валить прочь с моих глаз!

Он подталкивает меня на выход, не давая опомниться. Мелькает лакированная дверь, и я вижу перед собой большой зал ночного клуба, который утопает в сумраке.

– Вон тот, – охранник указывает на столик у стены. – Блондин в кожаной куртке.

Глава 2

Андрей

Я стягиваю с себя куртку и бросаю на стол. В двадцатый раз оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, как оказался в таком дерьме. Еще на прошлой неделе у меня была столичная жизнь со всем набором привилегий, а сейчас вокруг прокуренный клуб, в котором ужасно работает вентиляция.

Я ехал сюда сутки на попутках. Заведение принадлежит моему старшему брату Марку, которого я видел раз пять и то мельком. Мой отец всеми силами пытался выстроить неприступную стену между нами, и у него неплохо выходило до сегодняшнего дня. Так что я почти не знаю брата, но приехал просить у него помощи.

– Можно?

Сверху наплывает женский голос, которому не идет вопросительная интонация, таким тоном обычно требуют, даже выколачивают. Выцарапывают в ее случае. Красотка в черном мини, что нисколько не прикрывает тугое, зовущее изгибами тело, обжигает глубоким взглядом голубых глаз.

Наверное, местная элитка. Но я отмахиваюсь, чувствуя, что настроение не то.

– Только малолетки интересуют, – шепчет она с вызовом, разворачиваясь.

Хотя самой чуть больше двадцати на вид.

– Я слышал, – бросаю ей в спину. – Язык иногда стоит придерживать.

– Обычно просят прямо противоположное.

Она медленно облизывает алые губы и каким-то образом сгущает без того тягучий взгляд до консистенции липкой смолы. Определенно, элитка. Настроение вдруг возвращается, и я усмехаюсь, заражаясь ее животным обаянием.

– Сядь, – хлопаю по дивану рядом с собой, приглашая малышку.

– Может сразу в комнату? Третья свободна...

– Я боюсь замкнутых пространств.

Она недовольно качает головой, и светлые волосы играют искрами, вбирая в себя разноцветные лучи подсветки. Кислотные дуги, вырвавшиеся со сцены, где вертятся ее подружки, скользят по тугому телу и дразнят. Она права, стоило бы уединиться в комнате. Но я три дня провел взаперти, отсиживаясь на даче за городом. Меня тошнит от тесных комнат.

– Я умею забирать страхи, – она ударяет меня бедром, устроившись рядом.

Она похвально быстро уловила, что мне нравится ее дерзость. И ее тело. Следом выгибает спину, подавшись вперед, когда тянется рукой к забытому на самом краю бокалу. И как бы невзначай подставляет под мой взгляд татуировку на спине, черный узор разжигает желание между лопаток и уверенной стрелой уходит вниз, к ягодицам.

– Что у тебя здесь?

Пальцами очерчиваю сложный рисунок из сталкивающихся силуэтов, наслаждаясь бархатом. И тем, как она послушно замирает, будто и правда рада моим касаниям. Умелая стерва, да, любая дерзость должна заканчиваться там, где начинается мужская сила. А мои пальцы знают силу.

– Глубже, – шепчу ей приказ.

И она послушно изгибается, шумно выдыхая с возбуждающей затяжкой. Ложбинка пролегает по женской спине, рисунок заостряется и уводит мои пальцы ниже. Обнимаю ее за ягодицы, сминая податливое горячее тело, и тяну к себе, устроив девицу на своих коленях.

– Хочешь здесь? – она ложится на меня, надавив на грудь и губами нащупав шею. – Любишь, когда смотрят?

– Здесь темно.

– Недостаточно, – ее торг заключает в себя легкие дразнящие поцелуи. – А еще камеры. И я же буду стонать. Я уже едва сдерживаюсь, ты слишком...

– Замолчи, – ловлю ее рот и запечатываю языком.

Вот так. Без лишних мыслей, инстинкты просыпаются и ведут по выверенной тупой тропе. Крепче впиться в мягкой тело и сжимать, утоляя голод. И малышка чертовски правильно двигается, вверх и медленно вниз, надавливая и покачивая бедрами, раз за разом задевая ремень брюк. Она не забывает выдыхать мне в рот обещанными стонами. Чертова стерва знает, всё знает и умеет.

Но она вдруг останавливается. Сжимается, и я успеваю ре-

шить, что перешел грань и сделал ей по-настоящему больно, но тоже вижу гостей. Двое мужчин останавливаются на верхней ступеньке ложи, и в высоком мощном brunete, что стоит ближе, я узнаю Марка. Именно он заставил шлюху сжаться, его пронизывающий взгляд приносит безотчетную тревогу.

Марк качает головой, и девица молниеносно исчезает. Брат же подходит ближе и садится на стол, отшвырнув мою куртку на пол.

– Рассказывай, – говорит он.

Нет, приказывает. Говорит Марк так же, как смотрит. Он, скорее всего, никогда не опускается до угроз, а предельно ясно доносит всё одним своим видом. Самое время оценить иронию, ведь именно такие ребята меня ищут. Хотят убить, если точнее.

– Мне пришлось уехать из города, – начинаю я, из последних сил сохраняя спокойствие и не показывая замешательства, – бежать...

– Это я уже понял. Почему?

– Связался не с теми людьми, – все же я сцепляю руки, локтями облокотившись на колени, тело инстинктивно строит хоть какую-то преграду. – Я должен был перегнать машину, только машину. Под обшивкой оказался товар, я не знал.

– Это тянет на оправдание?

Он не в духе? Или всегда такой?

– Нет.

– И где товар?

– Не знаю.

– Мне нравится твоя привычка ничего не знать.

Внутри зажигается гадкое раздражение. Я не привык к такому, к издевкам и надменному тону по отношению к себе, как и к тому, что исполняю роль последнего недоумка.

– Я бросил машину в области, случайно слетел с трассы, врезался... Машина была в утиль.

– Ты еще и паникер, – кивает Марк.

Брат словно заполняет графы моей анкеты. И дышит чистым холодом.

– Значит, на тебе долг.

– Да. И кровь, – я признаюсь, давая слабину и безотчетно прикрывая глаза, будто можно спрятаться от собственных слов.

Марк поднимается и больше не смотрит в мою сторону, он поворачивается к своему человеку, который всё это время молча стоял в сторонке. Они обмениваются репликами, и охранник вскоре уходит. Марк же возвращается тяжелым взглядом ко мне.

– Твой отец знает?

– Нет. Ни что я натворил, ни что я здесь.

– Отлично, – цедит брат. – Можешь после позвонить ему и сказать, что он отлично тебя воспитал. Только мне теперь разгребать.

– Марк...

– Заткнись! – он вдруг заводится за секунду и обдаёт

яростной волной. – Лучше научись затыкаться прямо сейчас, тебе теперь долго помалкивать.

Он подвешивает паузу.

– Тебе нужна моя помощь?

– Да, Марк.

– Я ненавижу одаренных, которые умудряются оказаться в таком дерьме, – бросает Марк и не утруждается спрятать отвращение, которое искажает его грозное лицо. – Знаешь, появилась аллергия за годы в бизнесе.

– Я уже вляпался.

– Да, – кивает брат, – папаша не везде подстелил тебе золотую дорожку.

После чего одаривает тем же кивком, которым недавно отослал шлюху прочь. Только мне предлагается поднять задницу и идти за ним.

– Долг отработаешь мне, – говорит Марк, спускаясь в зал.

– Как?

– Ты себя в зеркало видел? Тобой можно двери вышибать.

– Марк, у меня есть кое-какие связи в органах...

– И это тоже.

Едва освещенный коридор выводит к двойным дверям, которые заходили туда-сюда от грубого толчка брата. Марк проходит к высокой стойке и достает из большой коробки мобилу.

– Остальное у Нечетного. Познакомишься, – он отталкивается от стойки и направляется на выход.

Дешевый телефон в ладони не обещает ничего хорошего. Но я беру протянутую трубку. Я даже не размышляю на бесполезную тему из разряда «есть ли у меня выбор?», потому что ответ очевиден. Если бы он был, я бы ни за что не поехал к Марку.

– И да, – Марк оборачивается, застыв на пороге. – Забудь, что я тебе брат. Хоть по матери, хоть как. Я теперь твой босс.

Я не претендую и рад такой мелочи, что Нечетный не находится в клубе. Вместо него какой-то странноватый парень кладет в ладонь ключи от квартиры и машины, что стоит на парковке за углом, и приказывает быть завтра в семь.

Не помню столь огромную очередь начальников на мою голову, но брыкаться буду завтра. Пора выспаться, осталось только найти силы, чтобы добраться до проклятой квартиры.

Тесный коридор выводит к холлу, из которого путь лежит к дверям служебного пользования. Двое парней переговариваются в углу, прямо под камерой видеонаблюдения. И их шепот становится совершенно неразличим, стоило им заметить меня. Беглые взгляды в мою сторону и старательное молчание перед чужаком, как будто шпион им на огонек заглянул.

Следом я вижу ее. Элитка стоит, облокотившись на длинный поручень, что плавно огибает стойку. Теперь на ней короткое свободное платье, рукав которого свалился с правого плеча, оголив красную бретельку. И она не блондинка, то очерчивающее ее притягательное лицо каре оказалось пари-

КОМ.

– Шатенка значит, – бросаю ей, подойдя ближе.

Она оборачивается и странно смотрит.

– Что?

– Ничего, – пожимает плечами и переключает внимание на мою одежду.

Цепкий оценивающий взгляд, она определенно поняла, что на мне дорогие бренды, быть может, и общую сумму чека подбила. Мне же удастся разглядеть ее: пышные непослушные волосы, которые она собрала в некое подобие хвоста, выразительные глаза, черная подводка лишняя, природа и так постаралась, и немного заостренный подбородок. И от нее исходит пьянящий импульс, буквально облако из силы, женского обаяния и секса, даже в этом цветастом балахоне.

– Уже закончила?

– Да.

Я замечаю, что она отвечает через себя, словно ее заставили доверить огромный секрет. И выставляет локоть, проскользнув рукавом по поручню, когда я приближаюсь и нависаю над ней. То ли случайный, то ли намеренный жест.

– Тогда поехали.

Теперь она хмурится.

– Я всего лишь танцовщица.

Это местный прикол? Никто не танцует у шеста в таких местах без продолжения. Уж мне не надо рассказывать.

– И ты отменно потанцевала на мне.

– Нет, серьезно. Мне сказали, что тебя надо увести из зала. Я тут самая видная, поэтому...

Мне надоело слушать, и я дотрагиваюсь до ее лица. Медленно провожу по мягкой щеке и спускаюсь ниже, обхватив шею двумя пальцами. Она замирает и замолкает, а ее облако на мгновение меркнет, кажется, она перестает дышать...

И кажется, она боится меня.

– Приват?

– Да, я завтра работаю.

– Без рук?

– Без рук.

– Но всякое бывает.

– Бывает, – она переводит взгляд на мою ладонь, которую я забыл на ее теле.

«Всякое» происходит сейчас. И она терпит, хотя явно из тех, кто не ждет подмоги, а бьет наотмашь самолично. Да, конечно, это же очевидно... Я запоздало понимаю, в чем дело, и догадываюсь, что малышке еще не сообщили, что в общей иерархии я барахтаюсь на самом дне. На несколько ступеней ниже нее. Потому что покачивать задницей в такт мне еще учиться и учиться.

Я отпускаю ее и следом делаю шаг назад, чтобы она выдохнула.

– Я могу позвать, тут есть девочки...

– Нет, – я качаю головой, сверля ее взглядом, – после са-

мой видной нет смысла.

Она правда классная, даже слишком, особенно, если помнить о жалком ценнике этой дыры, которая спряталась на окраине города. И малышка отвечает мне озорной улыбкой, что расцветает на ярких губах. Оказывается, она может смотреть не только с вызовом, но и мягко, тихо...

– Подвезти?

– Я далеко живу.

– Плевать.

– Но никаких приставаний, – твердо произносит она.

– Я уже иссяк.

Глава 3

Вереница других девушек многое рассказала мне. Я не привык к отказам и знаю, что внешне выбиваю десятку из десяти. Мускулистый блондин с тяжелым взглядом, они тают и сопротивляются совсем недолго, и то ради призрачного приличия. Мне плевать на приличия, и я люблю раскрутить колесо резко и быстро.

До хруста морали.

Элитка тоже, в конце концов, ломается и идет за мной на парковку. Хотя скребется неприятная догадка, что она по-прежнему думает, что отказываться ей не по чину. Ее уже сегодня запихнули мне прямо в руки. Видно, охрана клуба перенервничала до приезда босса и никого не интересовало танцует она или широко открывает рот.

– Я не буду приставать, – я повторяю недавний посыл, когда побитый седан отзывается на кнопку сигнализации. – Вернее буду, но не так.

Мне не нужны легкие победы. И подачки от заведений Марка тоже.

– Не так?

Щелкает зажигалка, и девушка закуривает, с прищуром посмотрев на меня через крышу автомобиля. А я почему-то слежу за облаком дыма, которое срывается с ее красивых губ.

– Я никто здесь, уж поверь, – отвечаю. – Просто не хочу

ехать один.

– А нам по дороге?

Я сперва киваю, а потом понимаю свою оплошность.

– Ты же еще не знаешь, где я живу.

– Меня хорошо воспитали, мне всегда по дороге.

Она вновь улыбается и вновь прямо в сердце, и огоньком тлеющей сигареты чертит дугу в вечернем воздухе. Ежится от холода налетевшего ветра, все еще раздумывая, садиться или не стоит. Но она, как и я, где-то позабыла куртку, и теперь осенняя температура играет мне на руку.

– У тебя кстати мусор, а не машина.

Со столь «ласковыми» словами она открывает пассажирскую дверь и выскальзывает из моего поля зрения. Я забираюсь в салон вслед за ней, а там захламленная смятыми упаковками панель намекает, что до меня в этой машине кто-то жил. Так что в бардачок даже не стоит заглядывать.

– Она не моя, – сообщаю и завожу мотор.

Тот не стал чудить, к счастью, и машина плавно трогается.

– Я не знаю город, поэтому показывай.

– Пока прямо по проспекту.

Я замечаю навигатор, корпус которого залеплен жвачкой. Природная брезгливость тут же просыпается и морщит нос, и я так некстати думаю, что тот же аккуратист дотрагивался до руля.

– Если ты никто, зачем столько стараний? – спрашивает она следом.

Ее стараний.

– Ошиблись. У вас охрана нервная... Наверное, Марка боится до дрожи в коленках.

Она ловит мой взгляд через зеркало заднего вида и пытается выпытать больше. Ей явно не нравится мой шуточный ответ, и даже моя кривая улыбка несколько не помогает.

– Ты работаешь на Марка?

Я киваю, не удержав злую усмешку на губах. Я работаю на Марка. Я, черт возьми, теперь работаю на Марка. Идиотская реальность обрушилась с недостижимой высоты и теперь давит кусками бетона.

Я отвлекаюсь на дорогу и вскоре понимаю, что элитка соврала насчет далеко. Приходится попетлять, ввинчиваясь в спальник, но не более. Угрюмая пятиэтажка затаилась среди кварталов-близнецов, которые дышат запустением. Во всех городах есть такие районы, повеситься под депрессивный мотив округи хочется еще на подступах.

– Черт, – сдавленно произносит она, когда мы останавливаемся у нужного подъезда.

Проследить за направлением ее недоброго взгляда не составляет труда, я вижу троих парней, которые компактно скучковались у деревянной лавки.

– Знакомые? – спрашиваю. – Помочь?

Она поворачивает голову и внимательно смотрит на меня. С таким видом, будто я предложил самую диковинную вещь на свете. Становится понятно, что руку помощи ей протяги-

вали не так уж и часто.

– Тут один решил, что я в его вкусе, – она показывает пальцем на того, что закинул ногу на лавку, будто собрался делать растяжку после пробежки. Хотя спортивный костюм он точно использует не по делу.

– Давно?

– Достать успел.

– Почему не скажешь на работе?

Ведь она – деньги. А их охраняют.

– Со мной и так постоянно проблемы, – признается девушка.

– Ладно пойдем, провожу.

Глава 4

Я открываю дверь. Огибаю машину и жду, когда девушка шагнет ко мне. На ее притягательном лице проступает легкий испуг, который отзывается внутри неприятный эхом. Я не привык, чтобы девушки рядом со мной хоть чего-то боялись, даже если мы вдруг свернем в темную подворотню ровно в полночь.

И потом я вооружен. За ремень заправлен ствол, который прикрывает рубашка, я ни разу не пользовался им, но прихватил с собой, когда решил на попутках добраться до брата. Я больше по дракам, никогда не боялся потасовок и частенько раздувал конфликт на пустом месте, чтобы разогнать кровь по жилам. Отличный действенный способ, я слишком часто выигрывал, чтобы не полюбить банальное развлечение на кулаках. Хотя и кровью умывался, тоже бывало, но обычно отработанные рефлексy и правильные гены решают дело. Но потасовки у крутого бара – совсем другая история. Тут же, в бедном районе незнакомого города, и ножевое можно получить и любую другую неожиданность из списка травмпункта.

Я не идиот и понимаю, что элитка не просто так нахмурилась. Но все равно тошно, мужское самолюбие бунтует. Я ступаю в круг света от уличного фонаря и кошу взгляд на парней, которые, как по команде, смотрят в мою сторону. Я

снова чужак.

Мы охаживаем друг друга красноречивыми взглядами, обмениваясь презрением. Они явно выжидают и высчитывают по зубам я им или нет. Нет, парни, ни разу, другая лига. Остыньте и вернитесь к семечкам, челюсти целей будут.

Я ловлю женскую ладонь и, крепко сжав, веду девушку к двери. Элитка притихла и стала такой послушной, что даже не верится. Значит мозги на месте, не провоцирует и не разжигает. Я успел насмотреться на дурацкие ожесточенные драки после бабского визга, зачастую без повода.

А тут... Я провоцирую сам. Оборачиваюсь и замечаю жадный взгляд того парня в ее сторону. Тот самый мужской блевотный взгляд. Становится противно до тошноты, а следом обдает гневной волной, что вдруг нарастает и топит разум наотмашь. К черту! Я отпускаю рефлекс и за мгновение оказываюсь рядом, бью парня с размаху по лицу, пробивая неуклюжую слабую защиту. Он валится на асфальт, а его дружки вскакивают с мест, мелькает лезвие...

Я выхватываю оружие.

– Успокоились! – строгий приказ слетает с губ сам.

Огнестрел в моей руке разом остужает весь их пыл. Они зависают, не решаясь сойти с места. Только тот, кто уже заработал сломанный нос, карабкается наверх, цепляясь за лавку. Теперь он пачкает ее кровью.

Я тоже замираю на секунду. Стрелять я не буду. Хотя хочется, сука, как хочется! Я резко перехватываю пистолет ру-

кой и отбрасываю от себя парня с ножом, пройдясь по его челюсти стальной рукоятью, добавляю для верности пару раз кулаком. И кричу что-то неразборчивое и люто злое, что слишком долго зрело глубоко внутри. Третий парень тут же срывается в путь, не оглядываясь. А я вновь отступаю на безопасное расстояние, следом быстро осматриваюсь по сторонам, выискивая случайных или нет зевак. Или помощников. Я в чужом квартале, в чужом городе, это нельзя выпускать из виду.

– Долго еще ждать?! – бросаю со злостью, подгоняя оставшихся парней.

Хлесткие мощные удары испортили им походку, но парочка все-таки поднимается на ноги и встает на маршрут подалее отсюда.

Тогда я заправляю пистолет обратно за ремень. И поворачиваюсь к девушке.

– Думаю, отстанут.

По ее лицу невозможно понять довольна она или, наоборот, раздосадована. Хотя, скорее всего, ей нужно время, чтобы осмыслить произошедшее. Я успел облапать ее, попробовать купить, нахамить, развеселить и, наконец, защитить.

– Чай? – спрашивает она, очнувшись.

– Только чай?

– Ты, конечно, старался, но...

И она качает головой. Я отвечаю усмешкой и направляюсь к входу.

– Мы кстати немного увлеклись и забыли самую малость, – я придерживаю дверь подъезда, пропуская ее вперед. – Как твое имя?

– Яна. Твое?

Свое застревает в горле. Оно осталось для других мест, для прошлой жизни.

– Придумай мне имя.

– Что?

– Мне нужно новое.

Она одаривает меня взглядом врача психбольницы со стажем, которого уже ничем не удивить.

– Север, – наконец, произносит она.

Север? Это что вообще...

– У тебя пронзительный холодный взгляд.

– Или ты просто-напросто хочешь, чтобы я почаще сдерживался.

– Да, самообладание надо потренировать, – Яна подмигивает и уходит вперед.

Первый этаж, квартира слева с сероватым ковриком.

– И исключительно в рамках тренировки можно остаться у тебя?

Она не ожидала такого подката. Яна сжимает ключи в ладони и явно думает вернуть их обратно в карман.

– Я скоро вырублюсь. Честно. Можешь даже голой ходить, я сейчас соблазнюсь только на подушку.

Глава 5

Яна

Он из крутых. Он из очень крутых.

Это буквально в каждом его жесте, расслабленном и уверенном, которые я считываю украдкой. Я замечаю мелочи, как его хозяйские интонации и спокойные взгляды, и подвожу четкий итог. Он как Марк. Той же редкой породы и того же состояния банковского счета. Небожитель и, видимо, любитель странных развлечений, коль не побрезговал поехать в мой квартал и захотел войти в квартиру.

Он не кривит нос и молча проходит в мою однушку, коротко оглянувшись по сторонам. У него красивое холодное лицо с правильными чертами... нет, слишком шаблонно, но не знаю, как правильно объяснить. Он производит впечатление цельного человека, которого не сбить с толку. Он если и покачнется, то через пару мгновений самостоятельно найдет равновесие. И он погружен в себя, из-за чего выглядит высокомерным и скрытным.

– Ты живешь одна? – спрашивает Север, сбрасывая кроссовки на ковер в прихожей.

– Да.

– Не жутко одной в таком месте? Еще и первый этаж.

– Нет.

Я прячусь за короткими ответами и продолжаю разглядыва-

вать его. Север очень высокий, под два метра, массивный и широкий в плечах, из-за чего мне хочется держать дистанцию между нашими телами. Они слишком неравноценны, ведь женское тело не создано для драки, его юзают для других целей. А Север чертовски сильный, достаточно одного взгляда на выпирающие мышцы, когда он двигается. Я могу прикинуть силу его накаченных рук, как жестко он сдавит и задушит в объятиях, а следом сделает всё, что взбредет в голову.

Моих сил не хватит отбиться, это точно. У меня есть лишь кухонный нож и просроченный балончик перцовки, который лежит во втором ящике комода. Как оказалось, он не действует на наркоманов и я не покупаю новый.

А у Севера есть огнестрел. Он даже здесь ведет в счете.

– Я смущаю тебя? – Север подает голос, вырывая меня из мыслей.

Смущаю... У него приятная грамотная речь, да и на лице отпечаток отличного образования, в глазах же поверх всех остальных эмоций горит интеллект. Бессмыслица какая-то! Он все-таки неправильный и странный, и я с каждой секундой проваливаюсь в ощущение, что я для него диковинная обезьянка на коротком поводке.

Или пробник другой жизни, с душком и грязноватым набором тупой жизни. Драка у падика, секс под ашановской люстрой. Наверное, ему просто любопытно, у богачей много причуд и я привыкла, что попадаю в их фокус. Моя внеш-

ность – мое проклятье.

– Я просто устала.

– Я тоже, элитка.

Элитка? Он тыкает в мой ценник? Он смотрит на меня по-другому теперь, когда мы остались наедине. Вернулся тот пошлый огонек, что горел в глубоких зеленых глазах в клубе. Он буквально раздевал меня глазами и жадно осматривал с ног до головы, словно выбирал, с чего именно начнет.

– Мне нужно в душ, – я разворачиваюсь и поспешно ныряю за дверь.

Он хочет трахнуть меня. Вот что очевидно и идет главной проблемой сегодняшнего вечера. Я не знаю, что делать, если он полезет ко мне... Я могу что-то сделать? Имею право? Кто он, черт возьми?! Он при Марке?

Марк.

Босс точно не знает слово «нет». Ни в бизнесе, ни в сексе. И дело не в силе его рук, которые даже мужское тело могут в пару узлов завязать, я не слышала ни одной истории, чтобы он взял кого-то силой. Марк умеет брать женщин одним дьявольским обаянием, которое он щедро расплескивает направо и налево, когда выбирает цель. Он брутален и развратен до мозга костей, он трахает лучших своих девочек и он трахал меня.

Один раз. Единственный босс, которому я не стала сопротивляться, хотя уходила из других мест после первого же намека или даже требования, такое тоже бывало, а с Марком

вышло так просто. Почти правильно.

В тот вечер он опрокинул стакан виски и ухватился за мое запястье, заставив наклониться к нему. Он сидел на диване в небольшом уютном зале, из которого только что выгнал других девушек.

– Я хочу тебя, малышка, – произнес Марк и тут же поднес указательный палец к моим губам. – Я знаю, я принял твои правила игры. Помню.

Он проявил редкую щедрость, разрешив мне танцевать у шеста, не занимаясь приватами.

– Как ощущения? – неожиданно спросил он и увел горячие пальцы дальше, лаская мою кожу. – Я ведь у тебя на крючке... Целый босс у тебя на крючке.

Он мягко усмехнулся и посмотрел хищным карим взглядом, в котором адским пламенем горело мужское желание. Его взгляд уже давно гулял под моей одеждой, которой и так было слишком мало – на мне оставалось черное нижнее белье для сцены.

– Я безумно хочу тебя, но пообещал глупость. Что же делать?

– Марк, я...

– Давай ты скажешь «нет» через минуту? Всего одна минута, малышка.

Он нажал сильнее и ловко использовал мое замешательство, чтобы утянуть на мягкий диван.

– Я остановлюсь через минуту, если ты скажешь «нет».

– Нет.

– Яна, ты торопишься, – Марк засмеялся беззаботным и самым счастливым образом и нащупал губами мою шею.

Он влажно поцеловал, распаяясь, и за мгновение растянул меня на диване, накрыв сверху своим мощным телом. Я вдруг оказалась под ним, чувствуя его рельефное тугое тело, а лицо утонуло в ворсе синтетики, когда я попыталась вывернуться.

– Я не обижу тебя, – шепнул Марк, выставив руки и даря мне пространство, чтобы дышать, но не чтобы вырваться. – Наслушалась слухов обо мне? Дело в этом?

Я не знала, что ответить.

– Я буду нежен, – добавил Марк тягучим голосом, – я груб только со стервами.

Я открываю кран в ванной и ополаскиваю лицо, пытаюсь отогнать воспоминание. Нужно успокоить дыхание. Оно нащупало рваные промежутки и не думает приходить в норму. К тому же за хлипкой дверью стоит незнакомый парень, который попросил придумать ему новое имя и который явно рассчитывает на продолжение знакомства. Он, может, уже тугой кошелек достал, пока я прячусь в ванной.

Тянуть нечего, и я выхожу к Северу. Он погасил свет в комнате, оставив лишь подсветку в прихожей за ночник. Я угадываю очертания его большого тела на диване, который стоит поперек комнаты. Я смотрю на входную дверь спасительной вспышкой, подумав, что можно просто уйти. Пусть

из собственной квартиры, но уйти. И не возвращаться? А где жить тогда? И где работать, он же знает все адреса и узнает новые, если захочет. Тот же Марк из-под земли достанет, если захочет.

– Север, – я произношу и вдруг слышу тихий выдох.

Так спящий человек реагирует на неожиданный звук сквозь сон.

Он заснул... он спит.

Я на цыпочках подхожу ближе и вижу, что всё действительно так. Север мирно спит, закинув ноги на подлокотник слишком короткого для него дивана. Он не стал раздеваться, лишь спустил верхний край покрывала на плечи. И в вечернем сумраке он кажется еще красивей, его идеальные черты кажутся высеченными из благородного камня.

Я запрещаю себе любоваться и ухожу за ширму, где у меня отгорожена спальня. А в сердце сомнение и неприятная тяжесть, что я напридумывала глупостей на его счет, когда он действительно всего лишь чертовски устал.

Глава 6

Север

– Север, – настойчивый голос наплывает сверху.

Я с трудом открываю глаза и смотрю на девушку мутным взглядом. Какого черта? Что еще... Я кого-то трахал после клуба и забыл показать, как отпираются замки изнутри? Красотка не может найти выход самостоятельно...

И кто такой Север?

– Тебе лучше не опаздывать, – женские руки бесцеремонно вырывают из-под головы подушку. – Вставай.

Вспомнил.

– Да, – киваю и поднимаюсь на ноги рывком. – Где туалет?

– Тут кроме входной только одна дверь.

Да, точно. Тесная однушка, которая хоть как-то дышит исключительно за счет того, что ее переделали в студию. Но место приятное. Скромно и уютно, и без розовых деталей. Хотя ванная определенно девчачья, заставленная бесчисленными склянками, среди которых не развернуться.

Когда я возвращаюсь в комнату, девушка уже крутится у столешницы.

– Есть сок?

– Нет, – Яна качает головой.

Конечно. Обещан же был только чай. И два бутерброда, которые я замечаю на маленьком столике, бонусом.

– За хорошее поведение?

– Именно, Север.

Ей нравится придуманное ею же имя. Она даже растягивает его, будто раскатывает сладкий леденец во рту, играя языком... Черт, опять. Рядом с ней сложно думать об отвлеченном. Это из-за легкой светлой туники, что девушка набросила на голое тело. Может, не голое, но разыгравшаяся фантазия рисует именно такой вариант. Тем более виднеется оголенное плечо, которое притягивает взгляд отсутствием лишних деталей.

Ее налитое гибкое тело нашептывает слишком красочные и реалистичные образы, чтобы не сбиваться, и я же трогал ее, чувствовал жар, целовал...

– Ты не ешь, – ее будничным голос вырывает из яркого миража.

– Север не голоден.

– Привыкаешь?

– К Ване я привык бы быстрее.

– Тебе бы не пошло.

– Север так Север.

Она так щедро улыбается, что можно ослепнуть. Или нет... Стоп, это другое!

– Серьезно? – я зацепляюсь за ее теплый сестринский взгляд. – Ты собираешься зачихнуть меня во френд-зону?

Яна не смущается и выдерживает пристальный взгляд. После чего переключает внимание на красное полотенце, ко-

торое вдруг понадобилось сложить в четыре слоя.

– Я всегда мечтала о старшем брате, – признается она после паузы.

Так глупо и по-детски. Когда это я успел показать себя плюшевым созданием, которому можно говорить такие бредни? Вчера, когда без всяких поползновений завалился на диван и сразу же отключился?

– О брате, который хочет трахнуть тебя? – уточняю он. – Который почти трахнул тебя?

Она со проглянувшей злостью сминает полотенце в руках и швыряет его в раковину.

– Перебесишься, – шипит она по-кошачьи, обернувшись и коротко взглянув на меня.

И выходит из кухни. Отлично, приходится подниматься и идти за ней. Черта с два теперь выйдет выбросить ее из головы, уже перемудрил, уже опоздал.

– Яна.

– Я спать, я работаю в ночь.

Ненавижу бабские загоны и никогда не участвовал в этом дерьме, довольствуясь титулом подлеца и подонка, но тут что-то заставляет тянуться к ней. Ловить за руку с осторожностью. Но она все равно резко дергается и уже дышит с обещанием бури.

– Не вырывайся, успокойся.

Я расцепляю пальцы, чувствуя, что все равно не уговорю.

– Тебя без этого ждет дерьмовый денек, – добавляю спо-

койно и пытаюсь поймать ее взгляд.

Меня ведь тоже ждет дерьмовый день. К чему и тут сцепляться?

– Еще какой, – она неожиданно выдыхает с лютой злостью, сбивая с толку окончательно.

Да что я сделал, мать твою?! Яна же уже завелась, щелчок и ее несет. Она впивается в мою талию, грубо сминая футболку, и ныряет руками под легкую ткань. Резкие размашистые движения очерчивают мой торс, лаская разжигающими прикосновениями, образами которых я совсем недавно дразнил себя. Теперь это происходит, но я не рад.

Она же сцепляет руки крепче, вонзившись в кожу, и наталкивает меня на себя. Прижимается... блять, как тесно... Я чувствую касание упругой налитой груди, а ее душные пальцы ложатся плотными браслетами на запястья и тянут вперед. Навстречу.

– На, бери, – с вызовом бросает она и кладет мои руки на свою задницу, заставив сдавить плоть.

И начинает целовать, влажно, неистово, касаясь языком и обжигая сбившимся дыханием. Черт! Нужно поймать ее, нужно... Нужно! Я смыкаю пальцы вокруг раскрасневшегося лица Яны и останавливаю жадное движение, когда до ее губ остается всего ничего. Хотя безумно хочу вновь ощутить их сладкий вкус, от которого у меня вся кровь устремляется вниз.

– Бери же! – кричит она.

Вот и истерика.

– Успокойся, – повторяю я, словно надеюсь заразить собственным спокойствием.

– Да чего ты хочешь?!

– Теперь не знаю.

Это правда. Хотя я точно хочу перестать лапать ее, когда в ее бездонных глазах стоят слезы. Поэтому я без рывка, но уверенным нажатием освобождаю свои руки. Я переносу их на девичьи плечи и чуть отодвигаю Яну от себя, чтобы не отвлекаться на ее жар, хотя, разозлившись, она становится еще желанней. Сама же делает хуже.

– Тише, – я советую то ли ей, то ли себе и размеренно выдыхаю.

– Ты опоздаешь на работу, – вдруг произносит Яна.

Она успокаивается, ее голос забывает резкие нотки, а готовые вот-вот сорваться слезы утихают. Она опускает голову и просто ждет, когда я уже свалю. Она кажется такой маленькой и запутавшейся. И я не последний дурак, чтобы не понять отчего ее злая выходка, к чему она успела привыкнуть и какой монеты ждет от любого мужика.

Я шагаю в сторону и подбираю свою рубашку со спинки дивана. Кроссовки находятся под дверью, я беру их и отряхиваю пыльные носки. Замечаю, что девушка молча нависла рядом, облокотившись на тумбу для обуви.

– Ты надолго здесь? – спрашивает Яна.

– Точно не знаю. Но дело не на пару дней.

Глава 7

Следующие дни проходят как в тумане. Оказывается, жизнь может заикнуться, скрутившись в монотонную петлю. Ночной клуб брата запирает в своих стенах и отпускает, когда уже ни на что не остается сил.

День за днем.

Постоянные мелкие поручения от всех разом: отнести, позвать, передать, уточнить, вывести под руки... Самому же заткнуться и забыть о вопросах. Потом меня ставят на вход, черная майка с названием клуба на спине и черные джинсы униформы подарили должность вышибалы.

Нечетный мелькает перед глазами постоянно. Он объезжает клубы каждый день, и «Пиранья» третья в его списке. Я быстро уяснил, что он правая рука Марка, и что их бизнес бешено развивается. Обрывки чужих разговоров, детали и наличие мозгов позволили сложить общую картину, и я смекнул, что ребята, которым я задолжал, пыль у дороги по сравнению со старшим братом.

В коридоре толпятся девицы в ярких скудных одеждах, но высматривать нет смысла, Яна сегодня отсыпается. Наши странные пересечения множатся, пустые беседы и подколки, улыбки и усмешки, в благодарность за Севера я иногда называю ее «элиткой», на что она недовольно фыркает. Но она ведет в счете, я ведь держу руки при себе и завязал даже с

намеками, хотя чаще вижу ее почти голой, чем иначе.

Я смотрю иногда, как она танцует. Извивается и манит, сжимает умелыми руками металлический шест, плотно обхватывает его бедрами, выгибается чертовски плавно. Только оказалось, что обменяться с кем-нибудь глупыми шутками посреди гадкого денька – ценность не меньшая, чем отличный секс. Поэтому я не лезу к ней.

Я толкаю заднюю дверь и спускаюсь к парковке. Нужно забрать коробки из фургона, но меня отвлекают, когда рядом паркуются две машины. Блестящие черные иномарки встают у лестницы, и из первой выходит Марк. Я вижу его впервые после той встречи, когда на моих коленях сидела Яна. «Пиранья» считается клоповником, и босс почти не показывается здесь.

– Найди Нечетного, – бросает он распоряжение кому-то, после чего переводит взгляд на меня.

Я решаю повременить с разгрузкой.

– Еще живой? – шутливо бросает Марк.

– Пока да.

Марк подходит вплотную и осматривает меня с ног до головы, медленно и придирчиво.

– Нечетный сказал, чтобы я не лез к тебе, – добавляю я.

– Но у тебя есть вопросы.

– Сколько еще мне быть вышибалой?

– Переутомился?

Издевка удается ему лучше всего. Я даже верю на мгно-

вание, что стою здесь в белых перчатках, которые панически боюсь запачкать.

– Я имею право знать.

Марка передергивает, и он обдает такой злостью во взгляде, что мне сразу становится понятно, я выбрал недопустимые слова.

– Ты так и не запомнил, – Марк качает головой, – не уяснил.

И он поднимает руку, подзывая ребят, что застыли у машин. Двое мужчин тут же оказываются рядом. Меня сбивают с ног мастерской подсечкой, опрокинув к колесам фургона. К ботинкам Марка, если точнее.

– Хочешь посчитать сколько? – снова говорит Марк. – Хорошо. У тебя есть деньги, так? Есть связи.

Он замолкает, и мне приходится кивать, соглашаясь.

– Но ты бежишь, сломя голову. И бежишь ко мне...

– Если бы я знал, какой ты...

Меня обрывают хлестким ударом по лицу. И отмашка босса не понадобилась.

– Я скажу тебе сколько, – Марк склоняется и хватается за мое плечо. – Четыре тела и пять пакетов. Только из-за того, что ты неправильно крутанул руль и спрятался, как крыса.

Я знаю без него, какие ужасные дела натворил. Из-за меня погибли люди, а товар не дошел до заказчика. Но брат специально напоминает об этом и подвешивает звонкую паузу, чтобы я запомнил каждое прозвучавшее слово. После чего

он выставляет руку вперед и взглядом показывает, что ждет, когда я ухвачусь за нее. Я зло вцепляюсь в широкую ладонь и рывком поднимаюсь на ноги.

– Показать фотки?

– Нет.

– Мерзкое зрелище, поверь. Там еще и девушка погибла, – Марк изображает вселенскую скорбь. – И все на тебе.

– Сколько таких на тебе? – я не сдерживаюсь, расслабленный хозяйский тон брата зверски раздражает.

Марк смеется.

– Я-то свою вину знаю. А ты бредишь сроками, думаешь вернуться куда-то.

Глава 8

Яна

Охранник останавливается рядом, и я по одному паршивому запаху одеколona понимаю, что это Стас. Я ни с кем не общаюсь в клубе, игнорируя заведенный порядок, что девочки частенько отдыхают с охраной и даже находят себе парней в их мускулистых рядах. Я хочу, чтобы работа оставалась работой и только.

– Босс приехал, – бросает Стас лениво.

На него можно смотреть с ненавистью, можно с презрением – ему плевать. Он будет стоять рядом и болтать. Он меня вообще за человека не считает.

– С Севером трет на парковке, – добавляет Стас и косится на меня с любопытством.

Я же отвлекаюсь на имя, которое он назвал. Мне нравится, что новенького все зовут именем, которое я придумала для него. Хватило двух недель, чтобы прижилось, хотя вокруг него вообще стоит завеса таинственности.

– Интересно? – не отстает Стас и пробует придвинуться ближе, но я молча отступаю по коридору.

Я догадываюсь, что на него нашло. Я вскользь спросила о Севере у одной девицы с другой смены, и видно мой интерес дошел до Стаса. Мне действительно тяжело, Север ведет себя странно – дружелюбно и ласково со мной, и какого-то черта

работает на входной рамке, раздавая то поклоны угодным, то синяки негодным. Я едва сдержала нервный смешок, когда впервые увидела его в футболке вышибалы. Хлопковая футболка за три копейки «отлично» смотрелась с фирменными джинсами А к его сытому лицу хозяина жизни «отлично» подходила должность швейцара.

Что он делает здесь? На самом дне? И почему делает вид, что мы можем общаться на равных?

– Яночка, я могу рассказать, откуда взялся новый парек...

– За минет?

– Ты читаешь мои мысли.

Я смотрю на него как на недоумка и, наконец, дожидаюсь, когда освободят гримерку. Я проскальзываю мимо Стаса и захопываю дверь перед его носом. Вскоре оказывается, что охранник не сочинил насчет босса. Марк вместе с подчиненным входит в гримерку и одаривает меня рассеянным взглядом. Они недолго обсуждают между собой перепланировку, а потом босс отсылает мужчину и подходит к зеркалу, которое занимает всю стену.

– У тебя выход сегодня? – спрашивает босс ровным голосом.

– Уже закончила, – я провожу ватным диском по веку, стирая блестящие тени.

– Тебе можно не краситься, малышка. У тебя блядский взгляд от природы.

Я зависаю, а потом киваю, принимая его слова за комплимент. Тем более Марк расслаблено улыбается и внимательно смотрит на меня, словно мои реакции безумно его забавляют.

– Передумала насчет приватов? – спрашивает он после паузы.

– Передумала? Почему... Нет, я не хочу, – я качаю головой и не могу спрятать нервное замешательство, что делает из моего лица восковую бледную маску.

– Выдохни, я всего лишь спросил. Думал, удвоить зарплату и отдать субботнюю программу, если согласишься.

– Спасибо. Но мне лучше так.

– Без денег? – Марк мягко усмехается и тут же поднимает раскрытые ладони, показывая, что шутит, а не настаивает. – Как знаешь, конечно... Но противно видеть настоящую красоту в такой дыре. Я ведь, когда сюда приезжаю, на сцену стараюсь вообще не смотреть, потому что, если там не ты, можно заработать импотенцию.

– Спасибо.

Я прикрываю глаза, понимая, что повторила сухую благодарность во второй раз. Рядом с боссом я плохо соображаю. Марк – редкий тип, он слишком умен для тупого насилия, хотя и не брезгует им, но большой кайф ему доставляют вырванные эмоции. Он умеет медленно затягивать удавку на чужой шее.

Его пальцы с нажимом очерчивают мои ключицы и ныря-

ют в ложбинку между грудей, после чего обхватывают черный корсет. Марк тянет меня наверх и вытягивает в струнку перед собой.

– Ты собиралась домой? – спрашивает он.

Я киваю и замечаю в его правой ладони ватный диск, который он взял со столика. Босс со странной осторожностью подносит его к моему лицу, будто боится спугнуть грубым движением, а второй рукой уверенно зажимает мой подбородок между стальными пальцами.

– Закрой, – кивает он с легкой улыбкой. – Ты пропустила...

Я выполняю, а он снимает макияж с моих глаз, мягкими нажатиями массируя мою кожу и давая прочувствовать его дыхание. Горячие волны наплывают сверху и доносят полустертый запах кофе и клубничной жевачки.

– Клубничная? – произношу вслух, чтобы не стоять немой куклой перед мужчиной.

– Что?

– Я чувствую запах...

– У моего охранника девчачий вкус, – произносит босс с ленцой. – Внешность бывает обманчивой.

Я считываю подтекст в последней фразе и на автомате ловлю его ладонь, позволяя себе почти отчаянный жест. Но Марк молчит и никак не реагирует на то, что я вздумала перехватить эстафету.

– Разве? – я спрашиваю у него прямо.

– Ты права, глупость сказал... Внешность определяет всё, – мужской взгляд уплывает в сторону и я замечаю, с каким интересом он рассматривает мои пухлые губы, которые мне отчаянно хочется закусить, чтобы сделать их меньше. – Сама придумала? Или кто помог?

– Что придумала?

– Свой образ, – он кивает с довольной улыбкой. – Ты очень умная для шлюхи, малышка. Я ценю таких.

Марк отбрасывает испачканный диск и возвращает ладонь к моему лицу.

– Губы идеальные, чувственные... сами просятся на член. Свои? – спрашивает он с деловой интонацией и сжимает мою нижнюю губу между пальцами, жестко и грубо. – Повезло, сиськи тоже неделанные, за такие гены душу продают.

Марк вновь усмехается и продолжает крутить меня в своих руках, подставляя нужный угол под желтоватый свет.

– Ты выглядишь как секс-игрушка. Тугая, дорогая, сочная. И не тупая, глаза умные, только грустные, хотя это в тему. Да, в точку... Ты придумала идеальный образ, Яна, далеко пойдешь.

Слова босса, наконец, собираются в логическую цепочку. Он решил, что я столь замысловатым образом выбиваю повышение. Сразу через несколько ступенек и через несколько его клубов, ведь все знают, с какой брезгливостью он смотрит на дешевый товар. Для него я девица, которая умело играет в смущение и не позволяет всего и сразу, а еще опускает

глаза после низостей и строит из себя приличную девушку. Босс решил, что это выверенный и продуманный образ.

– Я скоро открываю новый клуб в центре, – говорит Марк, не откладывая. – Выходные будут твои, я прикажу и они подвинут ночную программу для тебя. Ты заслужила, малышка.

Я открываю рот, чтобы как-то возразить, но он реагирует первым. Он ныряет большим пальцем меж моих губ и нажимает, нащупывая язык.

– Там отдыхают жутко богатые мужики, иногда будут попадаться фрики, но чаевые того стоят.

Его отвлекает сотовый, который загорается в кармане атласной рубашки. Марк отступает в сторону, оставляя меня, и не долго слушает сообщение на том конце. После чего идет к двери примерки.

– Я завтра заеду, – бросает он мне, не поворачивая головы. – Первый приват мой, малышка.

Глава 9

Север

Смена выходит ужасной. Я выбираюсь из клуба поздней ночью и сразу поворачиваю к Яне. Словно это единственно верная точка во всем городе. Я бросаю тачку во дворе и иду к ее двери, за которой долго и упорно молчат, хотя я своим стуком, скорее всего, перебудил полдома. Наконец, я различаю осторожные шаги, после чего вновь случается негостеприимная тишина.

– Яна, пожалуйста.

Дверь открывается, и она сразу отступает в сторону, впуская меня внутрь.

– Спасибо, – бросаю ей устало.

Сил нет никаких, я прохожу мимо и направляюсь к дивану. Я не хочу пока смотреть на нее, почему-то кажется, что посмотрю не так из-за усталости.

– От тебя пахнет чем-то, – говорит Яна, подойдя вплотную.

Я киваю и опускаюсь на мягкое сиденье. Прикрываю глаза, но не могу отвлечься от главного. Она стоит прямо над мной, можно угадать ее тихое размеренное дыхание – спокойные плавные волны раз за разом накатывают сверху и уводят к далеким берегам.

– Всё в порядке?

Тревога? Мне послышалось беспокойство в ее приглушенном голосе. И руки сами находят ее, я обнимаю девушку за талию и притягиваю к себе. Яна лишь шумно выдыхает и подгибается под меня, не проронив ни слова. Ее тепло разливается по коже и, кажется, проникает глубоко под. Его можно вбирать и чувствовать, так разжимается пружина внутри.

– Теперь в порядке, – я шепчу ей с легкой улыбкой.

Я упираюсь лбом в ее живот и замираю. Ее присутствие, ее тело и тепло, да, ничего больше и не нужно сейчас. Я и так благодарен, и так едва дышу от ее щедрости.

– Ты совсем вымотался, – выдыхает Яна и проводит рукой по моим светлым волосам.

– Есть немного.

– Ты пил?

Она списывает запах на другой источник. И мою заторможенность, и появление посреди ночи... Черт, и та тревога в ее голосе. Черт! Она напугана...

– Я не трону тебя, – я спохватываюсь слишком поздно.

– Хорошо.

Ни капли веры. Она таится в ожидании, что будет дальше.

– Яна, я не пьян. Это краска, пришлось возиться в гараже...

Не то. Я хочу сказать совсем другое.

– Не бойся меня.

– Я не...

– Боишься, я знаю.

Я отстраняюсь и заглядываю ей в глаза. Девушка привычно хмурится, не понимая моего поведения, но по-прежнему не вырывается и не спорит. И я мягко тяну руками вниз, чтобы она опустилась на пол.

– Глубоко-глубоко, – я смотрю в ее красивые, бездонные глаза, – на уровне рефлекса. Как всех мужчин.

Я дотрагиваюсь до лица Яны, проведя пальцами по щеке. Шелковая горячая кожа...

– Скажи, и я уберу руки.

Яна пару секунд неотрывно смотрит на меня, будто ищет подсказку или второе дно в моих словах, а потом обнимает руками мои ладони, крепко сжимая, и опускает их ниже, на свои плечи.

– Хорошо, – я киваю, – я слышу твое «нет».

– Мне нужно время...

– Бери, что хочешь. Только не бойся меня.

Тишина.

– Я не сделаю тебе ничего плохого. Я обещаю, Яна.

Она протягивает мне подушку, на которой я уже спал. Я вырубаясь, а просыпаюсь только днем и, привыкнув к вывернутому наизнанку распорядку, не прочь провалиться до самого вечера. Яны рядом нет, ее кровать стоит за высокой ширмой, но по мертвой тишине легко угадать, что кроме меня в квартире никого. Хотя я все-таки зову ее, а потом замечаю пакет сока на полу, на который наклеен желтый стикер. «Вызвали на работу, не скучай. И не ройся в моих вещах,

даже по-братски».

Я и не собираюсь, открываю лишь верхний шкаф на кухне, когда ищу кружку. С кофе я прохожу к окну, выглянув во двор. Идет дождь, мелкий и противный, и местные бездельники собираются под железным козырьком детской площадки. Детской... Надо очень не любить своих детей, чтобы поселиться здесь. Даже моя квартира, ключи от которой дал Нечетный, много лучше.

На стеклянном столике я замечаю коробки с косметикой и эластичные бинты, которыми обычно стягивают потянутые связки. У Яны очень сильные руки для девушки, цепкие и в то же время нежные... Стоит подумать о ней, как я вспоминаю вчерашний разговор.

Ее поведение, каждый жест и осторожное слово.

Она впустила меня, сама подошла ко мне, дотронулась первой, хотя ждала неприятностей и решила, что я в пьяном бреду пришел за очевидным, наигравшись в симпатию на расстоянии вытянутой руки.

Я не могу больше терпеть одиночество и срываюсь в клуб. Там крутится охрана, которая облепила барную стойку и шумно переговаривается, то и дело взрываясь дружным хохотом. Для посетителей еще рано, и в заведении переставляют столы для уборки, да меняют перегоревшие лампочки под потолком. Обычное копошение перед открытием, и мне нравятся именно эти часы, когда пустынно и спокойно, нет воплей и криков.

– Где Яна? – я ловлю бармена за локоть.

– У босса.

Я вдруг различаю приглушенную мелодию, что крадется откуда-то из подсобок.

– Марк в клубе?

Я не дожидаясь ответа и шагаю в коридор. Конечно, он в клубе. Эта музыка и та машина, я сперва решил, что раньше времени показался Нечетный, но это он. Нужную комнату отмечает сучающий охранник, который облокотившись на высокий стул изучает противоположную стенку.

– Не сейчас, – парень качает головой, замечая меня. – Приказ.

Но я не останавливаюсь и не сбавляю шаг. Следом грубо перехватываю выставленную в мою сторону руку.

– Я войду, – бросаю я. – У меня тоже приказ.

Парень крепкий и натренированный, так что приходит сомнение, что удастся справиться с ним быстро, а еще чертовы камеры, тут набегут за секунду!

– Звони Нечетному, проверь, – я отталкиваю охранника от себя, вложившись в рывок всей массой.

Тот отшатывается, повалив стул, и замирает.

– Набирай! – я включаю тон босса и толкаю дверь.

Я войду. Я в любом случае войду, ведь Яна с ним.

Я шагаю сквозь нити стекляруса и оказываюсь в небольшом зале, который прячется в сумраке бордовой подсветки. Марка я замечаю сразу. Брат, развалившись, сидит на

большом черном диване, который дугой огибает низкий столик. Я подхожу ближе, оставляя позади ступени, уводящие к круглому подиуму.

– Какого черта? – произносит Марк, угадав мой силуэт.

Расслабленный тон и блуждающий взгляд. Он пьян.

– Где она? – я с трудом различаю хоть что-то вокруг, свет вырывает из темноты лишь подиум и неуверенным эхом спускается вниз.

Марк щурится и подается вперед.

– Кто? – спрашивает брат.

За спиной стучат каблуки. Я оглядываюсь и вижу Яну. Она замирает, уткнувшись в меня удивленным взглядом. И рефлекторно дергается, словно хочет резко развернуться и уйти. Но не может.

– Она? – со смешком интересуется Марк.

Удивление, я отчетливо читаю его в голосе брата. И еще предвкушение.

– Вот эта малышка? – Марк указывает на нее рукой.

Следом он поднимается с дивана, зацепив край стола, от чего рождается противный звук потревоженного стекла. Марк на мгновение теряет равновесие и с трудом стоит на ногах, которые слушаются его не лучшим образом. Видно, он выпил слишком много или принял что-то.

Я смотрю на него и чувствую, как становится душно. Как летним днем часа в три, когда даже асфальт плавится. Ведь я снова не могу контролировать ситуацию. Я не знаю, как

разговаривать с трезвым Марком, чтобы не натолкнуться на холодную стену из презрения и надменности, а сейчас он под градусом.

Я заставляю себя посмотреть ему в глаза.

– Марк, прошу. Только не она.

Марк кривится, будто услышал невыносимую глупость, и подходит ближе. Двигается он увереннее, словно намеченная цель отрезвляет его и дает сил.

Марк останавливается у подиума, скользя взглядом по застывшей на месте девушке. Яна, кажется, не дышит, и я замечаю, как она нервной хваткой обхватывает запястье. Стальные браслеты впиваются в нежную кожу, но она не обращает на это внимание. Девушка едва сдерживается, чтобы не закрыться руками. Ей неуютно, ведь откровенное черное белье состоит из тугих полупрозрачных полос, которые обвивают ее невыносимо красивое тело.

– Спустись к нам, – говорит Марк.

Он подает ей руку, чтобы помочь шагнуть к ступеням. Яна хватается за мужскую ладонь и успевает ступить только на верхнюю, как Марк тянет вторую руку и, подхватив ее, спускает на пол рядом с собой.

– Чего ты добиваешься, Север?

Вопрос повисает в воздухе. Марк не ждет ответа, ведь собирается говорить сам. И он возвращается глазами к Яне, заходит ей за спину и кладет ладони на девичьи плечи. Он склоняется над ней, и Яна послушно тянется к нему, решив,

что он ждет поцелуя. Но Марк ловит рукой ее подбородок и останавливает.

– Чтобы я сделал ей больно? По-настоящему больно?

– Нет, – я поспешно качаю головой.

– Я же могу. Женское тело чертовски восприимчиво. Как к ласке, так и к силе.

– Марк, пожалуйста...

– Тогда зачем? – бросает он со злостью, так что Яна сжимается в его руках. – Зачем, черт возьми?!

Я не знаю, что ответить. Я не понимаю Марка, но отчетливо вижу, что алкоголь разогрел его до максимума, затаенная глубоко внутри ярость буквально рвется наружу.

– Ты ведь меня и за человека не считаешь, – продолжает Марк, к счастью, он больше не кричит, выдохнув, но интонации заостряются и огненными всполохами окрашивают его речь, – как и твой отец. Я дерьмо, которое только и умеет перешагивать через других. Жестокий сукин сын, ведь так?

– Мне сейчас лучше молчать.

Марк усмехается.

– Ты не умеешь, Север. Ты уже прибежал сюда со своей истерикой. «Только не она», – он с издевкой повторяет мою недавнюю фразу. – Не пробовал хоть иногда думать на берегу? Прежде чем согласиться на мутное дело или начать интрижку?

– Она ни в чем не виновата...

– Да, – соглашается Марк, – виноват ты. И я мог бы прой-

тись по ней, только чтобы сделать больно тебе.

– Не надо.

– Это мне решать.

Марк пытается меня много секунд, каждая из которых кажется вечностью. Я вижу, что он может сорваться.

Брат презирает меня всем сердцем, я знаю, за безоблачную жизнь и за те золотые дорожки, которые он с издевкой упомянул в первый же день. У нас с Марком одна мать, но разные отцы, и мой бросил их в нищете, забрав меня в другой город еще малышом. Я для него избалованная мразь, которая привыкла, что проблемы решаются сами-собой или чужими руками.

Марк, наконец, отпускает Яну, убирая руки с ее тела. А потом подталкивает к выходу и приказывает оставить нас. Девушка, не поднимая головы, проскальзывает мимо, и через пару секунд хлопает дверь.

– Когда ты начнешь думать? – бросает Марк. – Понимать, что творишь?

Брат опускается на ступеньку подиума и садится, широко расставив ноги.

– Принеси бутылку, – он нетерпеливо тычет в барную полку.

Я не спорю. Встряхиваю в руках бутылку скотча, оглянувшись, на что Марк одобритительно кивает.

– Не лишнее? – спрашиваю ровным голосом.

– Я трахал ее.

Эти слова оглушают меня. Я замираю на месте, а Марк тянется и вырывает спиртное из моей застывшей руки.

– Один раз, – Марк свинчивает крышку, отбрасывая ее в сторону, и делает первый глоток. – И до того, как ты появился в городе.

Бутылка вновь возвращается ко мне. Марк протягивает ее и теперь молча ждет, когда я, наконец, сожму ладонь.

– Что сейчас происходит? – спрашиваю я прямо, справившись с собой.

Я делаю несколько жадных глотков, которые обжигают горло и внутренности и заставляют даже воздух ощущать, как огненную смесь. Я кривлюсь и жалею, что не остановился вовремя.

– Разговор, который закончится дракой, – отвечает брат.

– Я могу бить тебя?

– Если дотянешься.

Марк запутывает меня своим странным поведением. Или ему просто-напросто плевать, он ведет себя так, как хочет в данную минуту.

– Ты пьян, Марк.

– Поверь, тем хуже для тебя.

Я верю. Марк ниже ростом, причем на целую голову, но крепче и массивнее. И его ручищи-молоты явно расколошматили не одно лицо и скрутили в узел не одно тело. В нем чувствуется стержень бойца, будет захлебываться собственной кровью, но не отступит.

– Начнем? – Марк поднимается на ноги.

– За радость.

– И ей кстати понравилось.

– Не сомневаюсь.

– Я никогда не брал женщину силой.

Я стягиваю с себя расстегнутую рубашку и остаюсь в одной футболке.

– Она могла отказать боссу?

– Она могла не дрожать всем телом и не кончать так часто.

– Я же дотянусь, Марк. Поверь.

Марк ухмыляется и встает в стойку. Застывает, ожидая выпада, давая мне ударить первому.

– И не целься в лицо, – добавляет брат. – Нам завтра к матери ехать.

Что? Разлившийся по кровотоку алкоголь помогает справиться с очередным штормом.

– Ты же не хотел, чтобы я виделся с ней...

– Это завтра. Бей уже!

Рык Марка заражает меня, и я бросаюсь вперед. Отдаюсь слепой злости, что копилась годами. Я уворачиваюсь от захвата и наталкиваюсь на Марка, после чего ударяю куда-то в грудь, вложившись от души, и пропускаю такой же выпад. Бок обжигает свирепой силой, как будто плеснули кипятком. Сука! Марк смеется, и от хмельного веселья его смех становится невыносимо мерзок, так что простое желание заткнуть его перекрывает все остальные мысли. И чтобы ни слова, ни

вздоха. Никогда!

Мы вместе валимся на ступени, запутавшись друг в друге и нанося хлесткие удары. Позабыв о защите. Эта глупость на выносливость продолжается, пока я случайно не попадаю локтем Марку прямо в висок. Тот теряется на мгновение, а распаленные инстинкты ведут меня дальше. Много дальше.

Я обхватываю его со спины и делаю захват вокруг горла, продолжая зверски сдавливать, не давая брату глотнуть воздуха. Марк вырывается и бьется, яростно и тщетно... А потом звонкий звук пробуждает меня, я вдруг понимаю, к чему идет и что могу наделать. Я ослабляю хватку, но не успеваю опустить руку. Марк проводит по ней чем-то острым, одарив пронизывающей болью, после чего резко разворачивается и за мгновение оказывается сверху. Он прижимает меня к ступеням, вколачивая в мое тело пару ударов для верности.

– Не двигайся! – приказывает Марк.

Я задыхаюсь от усталости, что наваливается тяжелой стеной, тело ноет и пульсирует, напоминая о каждом пропущенном ударе. Марк буквально исколошматил меня. Футболку залило кровью, а порезанную руку скручивает от жжения. С задержкой я догадываюсь, что Марк разбил бутылку, и теперь «розочка» у моего горла явственно намекает, кто все-таки выиграл. Впрочем, старший брат тоже тяжело дышит и морщится, хотя так и не стер усмешку с губ.

– Будь всё по-настоящему, я бы уже убил тебя, – бросает мне Марк.

Глава 10

Я спускаюсь к парковке и замечаю Яну около своей машины. Она крутится на пятачке, как волчок, и нервными короткими затяжками терзает сигарету. Несколько тлеющих фильтров уже валяются в ее ногах. И она так занята внутренним монологом, что мне удастся подойти незамеченным. Я встречаю встревоженный взгляд, лишь когда тянусь к ее ладони.

– Не помогает же, – говорю ей и забираю сигарету. – Я подвезу тебя.

Я открываю пассажирскую дверь и дожидаясь ее кивка, формального и неживого, как будто с роботом общаюсь. Яна молча садится и поправляет мужской темный плащ, который скрывает ее силуэт без остатка. Следом я замечаю черные лакированные туфли на тонком и бесконечном каблуке. Когда я забираюсь в салон, то окончательно убеждаюсь, что она не переодевалась. Плащ распахивается и оголяет ее бедра.

– Не хочу домой, – вдруг произносит она, – лучше к тебе. Это скверно. Я уступаю, хотя прекрасно понимаю, вокруг чего крутились ее мысли и что она успела наговорить самой себе. Яна молчит всю дорогу, смотря строго перед собой, и я готов спорить, что она даже не замечает окрестности. Она вновь таится от меня, сжавшись в тугий клубок.

– Второй подъезд, – я бросаю ненужную подсказку, устав от давящей тишины.

В кармане в кои-то веки находится пустое место, и я паркуюсь недалеко от двери моего подъезда. Глушу мотор.

– Почему ты соврал? – спрашивает Яна, очнувшись.

– Я не врал.

– Ты сказал, что ты никто.

– Так и есть...

– Ты брат босса.

Она произносит босса как бог.

– Да, я брат босса. И я никто.

Я открываю дверь и слишком резко двигаюсь вперед. Разбитое тело тут же отзывается болезненной волной. Я раздраженно выдыхаю, после чего закрываю машину и иду к входной железной двери.

– Так не бывает, – доносится шепот Яна.

Полустертый, но я слышу и морщусь, благо девушка выстукивает шпильками за спиной. Это уже походит на пытку, она отказывается понимать меня и цепляется за привычные схемы. Схема сзади. Схема сверху. Схема в рот.

Я реалистичной картинкой представляю ее на коленях перед собой, с услужливым взглядом и разомкнутыми губами. Черт, самое время... Я рукой отмахиваюсь то ли от гадкого, то ли от манящего миража, и вновь угадываю, как засаднило всё тело. И отдалось гудком тяжелого суднохода в черепной коробке. Я же не пил так много. Отчего я так зол? Из-за Марка? Из-за его слов... Он сказал, что трахал ее. Один раз. Но его раз.

Всё вокруг было Марка. Даже она.

– Почему ко мне? – я все же задаю вопрос.

– Хочу посмотреть, как ты живешь.

Она даже не думает спрятать усмешку. И усталый тон, словно именно я заставляю ее играть в осточертевшую игру.

– Если ты приехала сюда, чтобы раздвинуть ноги, то мне это не надо.

– Может хватит?

– Что хватит?

– Трахни меня и забудь.

Я резко разворачиваюсь и смотрю на нее.

– Опять?

– Снова, – огрызается Яна.

– Если дама так просит...

– Да, будьте столь добры.

Стерва. Непробиваемая стерва.

– Хорошо, – я киваю с нехорошей улыбкой, – пошли.

В лифте она прижимается к противоположной стенке, сомкнув руки на груди. Точно под женоненавистнической надписью черным маркером.

– И как много ты сделаешь для брата босса? – я вновь смотрю на ее напряженные пальцы, которые теперь терзают ткань плаща.

– Всё, что пожелаешь.

– Ты же только танцуешь?

– Не для таких, как ты.

Кабинка останавливаются, и створки ползут в стороны. Я хватаю ее за запястье и тащу на выход. Потом к своей двери.

– Так что, Яна? Что именно?

Я резко распахиваю дверь после того, как щелкает последний замок, и вталкиваю внутрь девушку. Захожу следом и включаю свет. Уставшие глаза тут же «благодарят» за зверство, но я хочу видеть ее, каждую черточку и изгиб. И, самое главное, каждое шевеление в глазах.

– Что ты любишь? – она коротко осматривается по сторонам и поворачивается ко мне.

– Сними плащ.

Ее плавные движения не к месту, и я помогаю девушке. Стаскиваю с ее плеч плотную ткань и цепляюсь взглядом за обнаженную спину, стянутую лентами. Они впились в бархатную кожу, и очередной мираж кружит голову: я представляю свои пальцы, сдавливающие, ласкающие ее тело. Рефлекторно тянусь к ней и обнимаю, сцепляя руки на животе.

Я хочу ее. Безумно.

– Я люблю жестко и долго, – я прижимаюсь к ней, вдыхая ее пьянящий аромат.

Грязные инстинкты шепчут настойчивее, уводя мои пальцы дальше. И странный неизвестный мне прежде голод, я слишком долго и много думал о ней, чтобы остановиться теперь. Хотя чувствую ее напряжение, колкий холод, почти лед, который не тает под моими жадными пальцами. Да, я чувствую, но не могу ничего с собой поделать. Вместо этого

спускаюсь ладонями ниже, очерчивая крутые бедра, и скольжу к внутренней стороне.

Яна шумно выдыхает, согнувшись, и я тут же заполняю пустоту, последовав за ней, навалившись всем телом. Все-таки она мягкая и уязвимая, как все женщины. И я возьму ее, как делают все мужчины.

– Скажи, что любишь также.

– Я люблю жестко и долго, – послушно повторяет Яна, а я по ее интонациям пытаюсь понять, что у нее на уме.

– И сколько мне будет это стоить?

– Просто отстань от меня.

– Забыть твой адрес?

– Да.

– А если я захочу повторить?

– Только силой, – отвечает Яна.

Она ловит мои руки и помогает нащупать застежку сбоку. Через мгновение она оказывается полностью обнаженной в моих руках.

– А если повторить захочешь ты? – я задаю вопрос и оста-навливаюсь на мгновение.

Я крепко держу ее за талию, впившись пальцами в мягкую плоть. Яна не вырывается и не дергается, можно даже обмануться, что тело, застывшее в моих крепких руках, уже приручено, уже мое.

– Поэтому долго? – наконец, отвечает Яна. – Любишь долго разговаривать?

Я подхватываю девушку, и она как-то по-детски ахает, будто меньше всего ожидала, что ее понесут. И этот ее вздох, короткий, сдавленный, прорезает меня насквозь. Отрезвля-ет.

Я не зажигаю свет в гостиной и на ощупь шагаю к дивану, который стоит над стенкой. Я опускаю ее и сажусь рядом. И сразу же угадываю ее тонкие пальцы, которыми она находит ремень брюк.

– Да, Яна, – я устало киваю и сам удивляюсь насколько безжизненно вдруг звучит мой голос, – отсоси мне, именно.

Она игнорирует мой театральный тон и решает, что я серьезно. Мне приходится сжимать ее плечи, чтобы она уже прекратила и оставила язычок в покое. Но я банально не рас-считываю силу, вновь прорезавшееся раздражение, которое душной волной захлестывает разум, стирает к черту остро-рожность и я сдавливаю Яну слишком сильно. До боли, я ви-жу, как она кривится и закусывает нижнюю губу, чтобы не издать лишнего звука.

Я убираю руки, усадив ее себе на колени. Лицом к себе, пытаюсь поймать ее взгляд. Отсвет уличный фонарей чертит неуверенную тропу по полу и расходился мягким светом. Ес-ли не набрести на доверие в полутемной комнате, то уже ни-где.

– Остановись, – я сжимаю ее ладонь, которая так и оста-лась на моем ремне.

– Не встает?

– Напротив, – я повторяя ее наглую и насквозь фальшивую улыбочку, – уже ненавижу эти тесные джинсы.

Я замечаю, что ее челка сбилась наверх. И осторожным прикосновением приглаживаю шелковые волосы.

– Чего ты так боишься? – я говорю тише. – Чего?

Все-таки она безумно красива. Безупречна. Или это все тот же голод нашептывает? Ее большие глубокие глаза дурманят, им идет даже сомнение или злоба. Яна умеет смотреть одновременно с вызовом и затравленно. Будто пугается и тут же напоминает себе, что сильная.

– Здесь только я, – я вкладываю свои ладони в ее. – Нет никаких угроз, брата...

– У тебя оружие.

Да. Я вспоминаю о стволе, заправленном за ремень.

– Умеешь стрелять?

Ей не нравится мой вопрос.

– В теории.

– Всё теория до первого погибшего, – говорю я, не подумав.

Потом вытаскиваю оружие, нащупав рукоять правой рукой.

– Я чаще и чаще достаю его, чтобы напугать или успокоить, – меня вдруг тянет на признание и я говорю Яне то, что не произносил даже в мыслях. – И рано или поздно выстрелю.

Звучит дерьмовым приговором. Я кривлюсь от собствен-

ных слов, но отвлекаюсь и достаю обойму. Швыряю ее в другой конец комнаты, и, судя по звуку, попадаю в полку.

– Там еще один, – напоминает Яна.

Я извлекаю досланный патрон и отдаю его ей.

– Что еще?

– Нож?

– Нет, я ничего больше не ношу с собой, – я качаю головой и хлопаю по пустым карманам рубашки. – Руки, к сожалению, не отстегиваются.

Бесполезно. Она не смягчает взгляд и не улыбается на шутку.

– Ты все-таки притихла.

– Я жду.

– Чего?

– Когда ты наболтаешься.

– Я же вижу, элитка. Ты даже дышишь по-другому, спокойно, размеренно.

Я правда чувствую перемену, на другом уровне... Хотя перед глазами тот же надежный кокон, в котором она по-привычке прячется, когда происходит что-то неконтролируемое или опасное. Я дотрагиваюсь до ее щеки тыльной стороной ладони.

– Все замки заперты, а ты без одежды в моей квартире. И я намного сильнее тебя.

– И?

– Спокойно и размеренно.

Я переносу ладонь ей на грудь.

– Вдох-выдох, – я отмечаю легкие толчки, – вдох-выдох.

А я вот скоро задохнусь.

Впрочем, ее дыхание от моего настойчивого касания тоже надломилось. И я продолжаю массировать ее кожу, забираясь пальцами дальше и настойчивее.

– Я хочу поцеловать тебя, – произношу я и приближаюсь, поймав ее за плечи.

Кажется, Яна сама запуталась, должна она поддаваться или отбиваться. Я не даю ей разобраться, тяну к своим губам и целую. Я хочу быть нежным с ней и неспешно скольжу языком меж пышных губ. Черт, тогда в клубе было просто сладко, а теперь... теперь... И она отвечает, я чувствую, как дергаются ее бедра, как она неосознанно подается вперед и чуть вверх.

– Я же не противен тебе, я знаю, – я отстраняюсь всего на сантиметр и жду ее реакции.

– Не противен.

Глава 11

Яна

Почему мне нравится, как он называет меня «элиткой»? Внутри все сжимается и отдается приятной сладкой пульсацией. Север произносит короткое дурацкое слово с легкой улыбкой и так, будто ничего приятнее не пробовал на языке.

Сейчас его язык скользит по моей коже, он чуть отодвигается в сторону и целует уголок моего рта. Обжигающее мужское дыхание наэлектризованной волной проходит как будто сквозь меня, и я перестаю понимать, что происходит. Он сминает меня в сильных руках, так тесно, будто хочет обратить в себя весь мой жар. А я горю, и становится только хуже, когда он опускает правую руку и касается груди, сжимает затвердевший сосок, раскатывая его между горячими пальцами.

Я выдыхаю ему в рот и ловлю себя на безотчетном движении. Я двигаюсь так, словно он уже во мне. И хочу его сильнее и ярче...

Я нащупываю пряжку ремня, но пальцы скручивает судорога, когда он прикасается ко мне первым. Нежное и одновременно уверенное касание, Север проводит пальцами, раскрывая меня и лаская там, где натянуты главные струны. И я послушно выгибаюсь, со стоном выпуская наслаждение, которое не в силах вместить внутри себя. Слишком остро и

слишком много.

– Выше, – я с трудом выдыхаю короткое слово и прячу лицо ему в плечо.

Он делает, как я попросила, и я перестаю сдерживаться, скрутившись в безнадежный узел и хриплым стоном отвечая на каждое его умелое движение. Он знает, как надо, знает, чего я хочу, словно брал меня много раз и успел узнать мои тайны.

Север обнимает меня за плечи и увлекает на диван. Нависает надо мной, продолжая надавливать и гладить так, что я вижу черты его красивого лица сквозь мутный морок. Он жадно смотрит на меня, как я морщусь и закусываю губы, как беспокойно ищу опору руками. Сжимаю то спинку дивана, то его мощные плечи или шею. До боли, оставляя красные отметины на белой коже. Я уже так далеко из-за наслаждения, подрагивая и дразня себя мыслью, что он не отводит сумрачный взгляд, чтобы увидеть, как я кончу. Он хочет трахать и смотреть, хочет видеть, как я теряюсь и запутываюсь в чистом наваждении.

Он... он... У меня кружится голова от того, что он делает со мной.

– Войди в меня.

Я нахожу мужские руки и, вцепившись в них, приближаюсь к Северу, жарко прижимаюсь и жадными поцелуями покрываю его кожу. Он помогает мне, завязывая узел еще туже, я угадываю его горячий язык и испарину, что выступила

между нашими телами.

– Хочешь? – спрашивает Север.

– Да, я хочу. Хочу тебя.

Мое тело так отзывчиво и благодарно его ласке, что меня секундной волной прорезает страх. Оно ведь не принадлежит мне больше, оно только его... Контроль и власть, пусть мягкая и сладкая, но она у него сейчас. Мужчина раскатывает мое тело, прирученное и пылающее, сильными руками и заставляет меня выгибаться, ловя каждый намек. Я не слышу его потаенных желаний, Север молчит, но я чувствую их резкими ослепляющими вспышками и подстраиваюсь под них.

Глубже и раскованнее. Быстрее или медленнее.

– Черт, – Север выдыхает с судорожной оттяжкой, заполняя меня, и упирается ладонями в диван до скрипа кожаной обивки. – Элитка...

Он замирает, любясь моей агонией, и следом делает второй толчок. Уверенный и размеренный. Я сжимаюсь, не зная как приглушить сумасшедшие нереальные ощущения, которые буквально раздирают меня на части. Мне хочется вырваться из-под крепкого массивного тела и хочется двигаться навстречу, чтобы сойти с ума от чувства наполненности, от того, как он яростно вбивается в меня и подчиняет животной механике.

– Быстрее...

– Не торопись, – Север издевается и кладет ладонь на мое покрасневшееся лицо, он большим пальцем очерчивает

мою губу, легонько сжимая ее, и одновременно делает мощный толчок внутрь меня.

Господи...

Мы оба мокрые. Я чувствую как его влажный торс скользит по моей груди, когда он наваливается и запирает мое тело внутри своего, связывает накаченными руками как канатами, и трахает. Ритмично, жестко, не давая и секунды передышки, будто хочет довести меня до душевного безумия. Ему удастся, я царапаю его спину и прикусываю плечо, вырываясь, но плотно сжимаю его бедрами, закинув ноги ему за спину.

Я хочу чувствовать его дрожь от моей близости. Хочу отдать свое тело, но взять его. Хочу... Да, да!

Я прячу крик в его грудь. Вжимаюсь лицом до боли, чтобы нервный возглас не разошелся по всей комнате, и шепчу что-то невнятное, поддаваясь тягучей волне, которая захлестывает все тело и уводит куда-то очень далеко. Впрочем, меня ведут крепкие руки Севера, он меняет позу, прижимая меня к спинке дивана.

– Да, Север, – я ласково вывожу придуманное мной имя и целую его в шею, – Север...

Он догоняет меня, впиваясь в мои губы и безотчетно сжимая в руках до болезненного предела. Я ощущаю, как пульсирует его тело и как тяжело дается воздух в легкие. Север теряется, бурно кончив, и я утягиваю его вниз, поменявшись местами. Я кладу голову на его плечо и поднимаю ладонь, накрывая жесткие мужские губы, чтобы не случились слова.

Они всё испортят.

Глава 12

Утром Север ждет меня в машине и не сдерживает усталый выдох, когда я спускаюсь и, наконец, забираюсь в его старенький седан.

– Я и так быстро, – бросаю ему в ответ.

Его привлекательному и благородному лицу не идет недовольство, и он стирает его к черту, кивая мне. Я правда быстро собралась. Нечетный позвонил в восемь утра и приказал срочно явиться. Завтрак отменился сам собой, как и будильник, заведенный на пару часов позже. Север, как и я, уже научился спать лишнее и впрок, когда представляется возможность, и десять, и двенадцать часов, потому что завтра может образоваться суточная смена.

Но он все же решает сперва отвезти меня домой, к счастью, живу я рядом с клубом и по дороге.

– Высади меня у пешика. Не надо в квартал, – я пытаюсь сэкономить ему пару минут.

– Успею.

Я запахиваю черный плащ, который норовит распахнуться и оголить мои ноги. Север замечает мое резкое движение и смотрит на мой наряд со скепсисом.

– Она несвежая, – парень кивает на свою футболку, которую я натянула под плащ.

– Первая попавшаяся. И пахнет тобой, да.

Он выворачивает на дороге, что уже гудит от спешащих на работу, и вклинивается в общий поток, который то и дело замирает. К тому же мы ловим красную волну.

– Ты молчишь, – неожиданно произносит Север.

Я не могу разгадать его голос, в чем тайна его интонаций... Он из тех людей, к которым хочется прислушиваться и ловить каждое слово. Он вообще мало говорит и умеет молчать, будто привык делиться собственными мыслями лишь с собой. В этом мы похожи, но Север делает это с чарующей легкостью, без напряжения или обиды.

– По-прежнему молчишь, – шутливо добавляет Север и включает поворотник, перестраиваясь в потоке.

– Как и ты.

– Боюсь, сказать не то.

– Или моей реакции?

– Или так, – он улыбается, но это не помогает.

Все равно слышно, как скрипят шестеренки. Осязаемо. Мы никак не можем приноровиться друг к другу, бродим где-то на подступах и собираем фальшивки. И он ведь чувствует, он слишком пронизательный, чтобы не прочесть мою закрытую позу и не угадать, что секс скорее доставил удовольствие, пусть сумасшедшее удовольствие, чем сблизил нас.

– Она странная, по-твоему?

– Я такого не говорил.

– Как-то я разбила бутылку об голову посетителя, – про-

изношу я на выдохе.

Черт... Я не собиралась, но внезапной вспышкой захотелось показать ему, какой странной я бываю. Север молчит и ждет подробностей, коль я сама завела разговор о прошлом.

– Меня тогда хорошо потрепали. Один из охраны давно на меня зуб точил, а тут такой повод... отвел душу.

Руки помимо моей воли нервным выпадом закрывают грудь, словно я хочу закрыться от удара. И Север конечно же замечает это.

– Кто? – произносит он мертвым голосом, который не обещает ничего хорошего.

Я поворачиваю голову и смотрю ему в глаза.

– Давно было, – я стараюсь говорить буднично, хотя знаю, что по моему воспаленному взгляду видно, что помню всё, как вчера, – не у Марка.

– У Марка такого дерьма не случилось?

– Не проверяла. Я после того раза сделала выводы и больше не нарывалась.

– А как ты попала в «Пиранью»?

– О моем ужасном характере знают. Это как запись в трудовой, – я глупо усмехаюсь.

– Что еще?

– Еще как-то повздорила с одной стервой, которая выбросила мои вещи из примерки.

– С рукоприкладством?

– Да.

– Но без бутылки об голову?

Я отвлекаюсь на городской пейзаж, чтобы хоть как-то отгородиться от происходящего диалога.

– Но это не самое главное.

– А что главное? – спрашивает Север.

Город стоит серым и неуютным, будто на него вылили несколько ведер грязной воды, а сверху присыпали песком.

– Что? – я повторяю его вопрос, просыпаясь. – Самое главное – это деньги. В хорошие клубы ходят богатые люди, которые не привыкли к отказам. Если девочка разделась у шеста, что ей мешает снять последнее, сидя на их члене?

Я тоже вижу Севера. И замечаю, как он морщится от моих слов и отгоняет тошнотворную картинку. Я не могу ничего поделать с собой и думаю за него. Мне почему-то кажется, что он вспоминает первый день в клубе. Свою дорогую одежду и свои же жадные руки на моем теле.

– Ты права, – Север смотрит на меня через зеркало. – Я из этих ребят. Я привык к деньгам, привык к власти, которую они дают. И не привык к отказам.

Я киваю и даже выдыхаю с облегчением. Наконец-то, он забывает идиотскую мантру «я никто».

– И как ты попал в «Пиранью»?

– Не поинтересовался, что будет в машине, которую надо было перегнать.

– Наркота?

– Да. Я запаниковал и слетел с трассы. Запаниковал снова,

выбросил сотовый и спрятался.

– Но кого-то нашли.

Север берет паузу.

– Приятеля, который отвечал за товар, убили, с ним еще двоих... И одну девушку, оказалась не в том месте.

– Скверно, – я выдыхаю за него. – И босс значит организовал тебе своего рода исправительную колонию.

– Я отрабатываю долг.

– Нет, Север, тебе вправляют мозги.

Глава 13

Север

Я все-таки подвожу ее к подъезду и осторожно ловлю за ладонь, когда девушка без слов тянется к ручке.

– Не знаю, во сколько закончу, – говорю ей, удерживая не месте, – но я постараюсь захватить тебя.

– Хорошо.

– Хорошо?

Я приближаюсь и целую ее. Она не стерва, а ведьма, другого объяснения у меня нет. Ведь я на грани зависимости от ее тепла и тихой улыбки. Яна так редко улыбается, намного чаще усмехается или иронически кривится. Впрочем, это тоже действует на меня, как все ее колючки и защитные титановые панцири. Я начинаю понимать ее и узнаю всё лучше и радуюсь каждый раз как ребенок, когда успеваю угадать, как именно она сейчас посмотрит или поведет плечами.

Есть лишь одно но. Когда я вижу ее защиты, эхом приходит противная мысль, что они появились не просто так. Кто-то долго и изощренно старался... В такие моменты я хочу обнять ее покрепче и никуда не отпускать. Даже против ее воли.

– Да, хорошо...

Яна собиралась добавить еще что-то, но мой настырный язык не позволяет. Она все же прикрывает глаза и отдается

моему упорству. Я вновь угадываю, как расслабляется и тает ее тело в моих руках, самый настоящий воск, податливый и мягкий. Может, эта тропинка и самая примитивная, но она не заставляет меня петлять понапрасну и раз за разом приводит к цели. Желание, жажда... тут Яна проигрывает и тянется ко мне.

– Тебе пора, – она не придумывает ничего лучше, как сцепить железные пальцы на моем подбородке.

– Моя челюсть, Яна.

Только ей вчера и не досталось от брата.

– Увидимся.

И она выпорхнула прочь.

А утро портится вместе с хмурой рожей Стаса. Напарник на три смены стаскивает картонные коробки с погрузчика и чертыхается после каждого второго движения.

– Что тут? – спрашиваю я у него, не торопясь с помощью.

– Бухло. Коробы, где этикетка наклеена в правом углу, бросай в сторону.

Таких оказывается процентов пятнадцать. Я вскоре догадываю, что мы сортируем товар – что-то более ценное, которое спрятали в общей куче. Коробки со скошенными наклейками не тарахтят и намного легче.

– Так что тут?

– Догадайся, – Стас подмигивает, выдерживая интригу.

Коробки приходится нести в подвал. Причем в дальнюю комнату, дверь которой оснащена кодовым замком и нава-

ренными листьями железа. Я еще не бывал здесь, хотя спускался вниз довольно часто.

– Придержи дверь, она захлопывается.

Я наваливаюсь на холодную поверхность и слежу за тем, как Стас, ругаясь и кряхтя, заруливает груженую тележку внутрь.

– Ты кстати больше не вышибала, – сообщает мне Стас. – Тебе сказали?

– Нет.

– Тогда с повышением.

Стас нетерпеливо машет рукой, чтобы я уже отстал от двери и подошел к нему.

– Что я теперь буду делать?

– Разъезды, Север, – он достает складной нож и вспарывает клейкую ленту на первой коробке. – Там разъяснить, тут напугать.

– Как в той гостишке?

– Примерно.

– С тобой в паре?

– Ага. Ты поэтому глуши порывы пристрелить меня. Тебе надо бы наоборот – мне спину прикрывать. Тогда я смогу ответить тем же, напарник.

Тугие, стянутые пачки банкнот. Охранник вытаскивает их из коробки блоками и складывает в выдвижной ящик стеллажа. Так еще один пазл встает на свое место. Почему терпят Стаса? Потому что Стас предан, как собака. Его можно оста-

вить в запертой комнате с наличкой. Без камер и смотрящих.

– Бери следующую и помогай, – распоряжается парень.

Я обращаю внимание, что купюры словно только что выплюнул банкомат. Не измятые и выуженные со дна кармана. Не те, последние деньги, которые приходят к барыгам от наркоманов, нет, если не брать в расчет «Пиранию», которая обслуживает середнячков обычной программой стрип-бара, то бизнес Марка смотрит в сторону толстых кошельков. Дорогие интерьеры, дорогие девочки, дорогие удовольствия. Марк слишком хорошо знает, что такое последние деньги, чтобы брать их.

– Тут хранилище? – спрашиваю я у Стаса.

– Нет, это на расходы.

Зря я столько думал о брате. Стоит выбраться из подвала, как властный голос Марка ударяет по ушам. Правда босс забывает о своем недовольстве, когда замечает меня. Он разворачивается и направляется ко мне.

Отлично.

– Иди за мной, – бросает Марк и проходит мимо, направляясь к служебной двери.

Я шагаю за ним, любуясь на широченную спину. Тело тут же отдается приливом из услужливых отголосков, ноют и крутят ссадины и синяки, которые брат весьма расточительно раздал вчера. Марк же вышагивает ровно и стремительно, будто не было ни пьянки, ни драки.

– Выспался? – неожиданно интересуется Марк.

Брат резко разворачивается, решив проверить. Он придиричиво смотрит на мое лицо, зацепившись за глаза. Марк замирает, будто впервые заметил что-то существенное, и я вдруг догадываюсь в чем дело. У меня глаза матери.

– Да, один в один, – я киваю ему.

– Откуда ты знаешь? Ты последний раз ее видел...

– Фотографии, Марк. Есть такая вещь, знаешь.

Марк молча толкает дверь на выход и спускается по железным ступенькам. Его машина ждет в первой линии, и Марк подходит к задней двери, открыв которую, достает темный чехол для одежды.

– Переоденься, – распоряжается он.

Расстегнув молнию, я нахожу светлую рубашку и свободный дорогой пиджак на двух пуговицах.

– И какая легенда для матери?

– Ты же вроде на юриста учился, – Марк взмахивает ладонью, поторапливая меня.

– Недоучился.

– Диплом никто проверять не будет.

Я стягиваю через голову фирменную футболку клуба и надеваю выбранную братом одежду. Марк вновь придиричиво оглядывает меня с ног до головы, и я отчетливо улавливаю его напряжение. Или это... Он нервничает? Он умеет?

– И еще одно, – говорит Марк. – Если у тебя есть какие-то претензии к матери, то затолкай их себе поглубже в глотку прямо сейчас.

Глава 14

Сперва решение отца, потом Марка. И привычка, обычная бытовая привычка, когда принимаешь заведенный порядок и не думаешь, что могло быть иначе. Поэтому я знаю мать лишь по фотографиям.

Отец забрал меня годовалым малышом. Они из-за чего-то разругались в пух и прах, и отец купил билет и улетел со мной в другой город. Обрубил все связи, хотя хотел щедро откупиться, но мать упорно отказывалась от денег, чем безумно злила старика. Марку тогда было семь, и он был рожден от другого мужчины, которого сам Марк никогда в глаза не видел и не искал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.